

RU

Эксерпции из Апокалипсиса и их толкования в старообрядческих сборниках XIX-XX вв. как лингвистический источник

Мартынюк Е. О.

Аннотация. Цель исследования – выявление тенденций развития церковнославянского языка в старообрядческой среде XIX-XX вв. В статье рассмотрены выдержки из «Откровения св. Иоанна Богослова» и толкования на них, отражающие общую эсхатологическую направленность старообрядцев и использованные в качестве отдельных глав / произведений в сборниках нравоучительного содержания. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале рукописных старообрядческих сборников первой четверти XIX в., второй половины XIX в. и начала XX в. из фондов музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» описаны графические, орфографические и лексические разночтения эксерпций из Апокалипсиса и их толкований. В результате исследования установлено, что стихи из Апокалипсиса и их толкования, приводимые в рукописях, имеют разное значение в композиции в зависимости от предназначения сборника. Отмечены несоответствия с текстами традиционных источников и поставлен вопрос об общем оригинале для копирования сборников. Выявленные разночтения в текстах свидетельствуют о постепенном приближении к современным нормам церковнославянского языка.

EN

Excerpts from the Apocalypse and their commentaries in Old Believer miscellanies of the 19th-20th centuries as a linguistic source

E. O. Martynyuk

Abstract. The research aims to identify trends in the development of the Church Slavonic language within the Old Believer milieu during the 19th and 20th centuries. The article examines excerpts from the “Revelation of St. John the Divine” and their interpretations, which reflect the general eschatological focus of the Old Believers and were used as separate chapters or works within moral-didactic miscellanies. The scientific novelty of the study lies in the fact that graphic, orthographic, and lexical variants of Apocalypse excerpts and their commentaries are described for the first time based on Old Believer manuscript collections from the first quarter of the 19th century, the second half of the 19th century, and the early 20th century, held in the funds of the “Art Culture of the Russian North” museum association. The study establishes that the Apocalypse verses and their interpretations cited in the manuscripts hold different compositional significance depending on the purpose of the collection. Discrepancies with traditional source texts were noted, raising the question of a common prototype for copying these miscellanies. The identified variations in the texts indicate a gradual alignment with modern Church Slavonic norms.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями научного изучения старообрядческого культурного, в том числе письменного рукописного, наследия. С XVII в. старообрядцы занимают особую нишу в истории России, но некоторые аспекты их деятельности становятся объектом изучения только в наши дни. Так, большой интерес у исследователей вызывает старообрядческая эсхатология. Такого рода исследования позволяют не только установить общие закономерности отношения к проблемам жизни и смерти, но и обнаружить их проявления в рукописных памятниках, в частности в нравоучительных сборниках XIX-XX вв. Наблюдения за осмысленным выделением важных мыслей (эксерпцией) из текстов

эсхатологического содержания и толкованием их в разновременных сборниках, созданных на одной территории, позволяют сделать выводы об изменениях в церковнославянском языке.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- выявить эксцерпции из Откровения св. Иоанна Богослова, используемые в старообрядческих сборниках, и определить их место в композиции;
- описать внешние элементы, сопровождающие тексты, и структуру текстов в сборниках;
- определить графические, орфографические, лексические разночтения в текстах и предположить некоторые тенденции развития церковнославянского языка в старообрядческой среде Русского Севера XIX–XX вв., которые будут доказаны или опровергнуты в ходе дальнейших исследований рукописных памятников.

Материалом для исследования послужили три компилятивных рукописных старообрядческих сборника первой четверти XIX в. (АОМИИ КП 23833 (Кн 473)), второй половины XIX в. (АОМИИ КП 24392 (Кн 514)) и 1910 г. (АОМИИ КП 8219 (Кн 245)), поступивших в фонды музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» г. Архангельска в 80-е годы XX – начале XXI в. Данные сборники описаны в Каталоге рукописных книг Русского Севера XV–XX вв. (Ненашева, 2019, с. 177–186, 254–279, 331–365). К исследованиям также привлекалась цифровая копия лицевого сборника середины XIX в. из отдела рукописей Российской национальной библиотеки, содержащая толкование на Апокалипсис (РНБ. ОР F.I.453).

Теоретическую базу исследования составляют работы в области изучения русского рукописного наследия (Лихачев, 1964), толкования Апокалипсиса (архиеп. Андрей Кесарийский, РНБ, ОР F.I.453; Аверкий (Таушев), 2006), в области изучения лицевых Апокалипсисов (Буслаев, 1884; Новокрещенных, 2013), принципов формирования старообрядческих сборников (Бытко, Солодкин, 2018), эсхатологических сочинений в составе сборников (Фокина, 2009; Волкова, Крюкова, 2024), графики старообрядческих рукописей (Старикова, Си Лю, 2021).

При решении задач, поставленных в работе, применялись следующие методы исследования: методы теоретического анализа, используемые для систематизации фактического материала и теоретического обоснования подхода к исследуемому материалу; лингвотекстологический метод (Жуковская, 1963), заключающийся в лингвистическом анализе разночтений, выявляемых при сопоставлении списков одного памятника письменности, в том числе: лингвоисточниковедческий анализ, используемый при описании материала; композиционный анализ для изучения принципов расположения исследуемых текстов в сборниках; элементы метода археографического описания рукописи для анализа содержания, внешних признаков и элементов, сопровождающих текст; количественный метод сплошной выборки при подборе примеров для иллюстрации теоретических положений; графический анализ для выявления традиций написания; анализ словарных дефиниций и контекстуальный анализ для исследования значений и функциональной специфики слов-вариантов; а также описательный метод, включающий обобщение и интерпретацию представленного языкового материала.

Практическая значимость исследования состоит во введении в научный оборот не привлекавшихся ранее рукописей Русского Севера XIX–XX вв. и возможности использования его материалов в практике преподавания истории русского литературного языка.

Обсуждения и результаты

Эсхатологическая тема «последних времен», Страшного Суда и посмертной судьбы человека является одной из главных в книжной традиции старообрядцев. Обращение к этой теме обусловлено историческими, социальными и духовными причинами. К общей средневековой ориентации на ожидание конца света при проведении реформ патриарха Никона присоединилось неприятие отмены привычного, устоявшегося веками церковного обряда. Предстоятель был обвинен в предательстве русской национальной традиции: «До Никона-отступника в нашей России у благочестивых царей и князей все было православие чисто и непорочно и церковь немаятежна» (Житие протопопа Аввакума..., 1990, с. 56). Гонения на оппозиционеров, объявленных раскольниками, виделись реальным воплощением конца света. «В условиях постоянных гонений апокалипсизм получал питательную почву и потому был ярко выражен в сознании старообрядцев» (Романова, 2012, с. 42). В «Книге бесед» Аввакум восклицает: «Вы будете свидетели нашей крови изливающейся. Толико наша великая вина, еже держим отец своих предание неизменно во всем! Аще мнится имя извергнути от памяти прежде бывших царей и патриархов и всех, на что оне после себя оставили книги сия, за них же мы полагаем душа своя!» (Житие протопопа Аввакума..., 1990, с. 84–85).

Как отмечают исследователи, в наиболее радикальных формах эсхатологическая доктрина проявилась в беспоповских согласиях, особенно в страннических толках (Романова, 2012, с. 43). Этим объясняется частое обращение к тексту «Откровения св. Иоанна Богослова», так как в нем мистически изображается борьба брата Христовой с царством сатаны и окончательная победа над ним. Эта наглядная картина «нужна для верующих всех времен все с той же целью утешения и подкрепления их в борьбе за истину Христовой веры, какую им постоянно приходится вести со служителями темных адских сил» (Аверкий (Таушев)..., 2006, с. 760).

Апокалипсис в виде иллюстрированных рукописей часто встречается в сборниках старообрядцев. До наших дней дошло большое количество лицевых списков Апокалипсиса, которые вызывают исследовательский интерес как к «феномену русской культуры, в котором комплексно отражены эсхатологические представления ортодоксального христианства» (Ануфриева, 2020, с. 224). В XVIII – начале XX в. центрами создания лицевых Апокалипсисов стали территории беспоповского старообрядчества – Выговская пустынь, Поморье, поселения на реках Мезени и Печоре.

Принцип построения лицевого Апокалипсиса следующий: приводится стих из Откровения св. Иоанна Богослова, его толкование, иллюстрация-миниатюра (иногда с подписью-разъяснением). Как отмечают исследователи (Дергачева-Скоп, Алексеев, 1999, с. 91-120), толкование священного текста приобретает особое значение: к нему относились с большим вниманием, так как в условиях замкнутости, удаленности и отсутствия учителей легко было отступить в ересь, неправильно понимая то или иное «темное», мистическое место в Писании. Из святоотеческих трудов наибольшим доверием пользовалось толкование на Апокалипсис архиепископа Андрея Кесарийского, «которое представляет собой итог всего понимания Апокалипсиса в доникейский период (до первого Вселенского собора)» (Аверкий (Таушев)..., 2006, с. 756).

В сборниках четвѣго типа эксцерпции из Апокалипсиса также занимают важное место. Эксцерпция (нем. Exzerption < лат. Excerptio извлечение) – извлечение, выписка из какого-нибудь текста (Крысин, 2009, с. 913); выборка фрагментов из какого-либо текста (Захаренко, Комарова, Нечаев, 2003, с. 758). Несомненно, эти выборки целенаправленны и имеют важное значение для композиции и всего «ансамбля сборника» (Фокина, 2009, с. 3). В анализируемых нами старообрядческих сборниках XIX – начала XX в. встречается лишь одна эксцерпция из Апокалипсиса, и то, что она транслируется в различных по содержанию (хотя многие повести из «Великого Зерцала», главы из «Альфы и Омеги», Патерика и пр. повторяются) и композиции сборниках, показывает ее значимость. Это стих, который на современном церковнославянском языке выглядит так:

«҃҃ѣ стоѹ при двѣрехъ ѿ толкъ: ѿче кѹ ѿслышитъ гласъ мой, и ѿвѣрзетъ

двѣри, внидѹ къ немѹ, и вечеряю съ нимъ, и той со мною» (Новый Завет, 2001, с. 788).

В русском переводе эти строки звучат так: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3: 20) (Библия, 2006, с. 894). Повторяются также во всех сборниках и толкования на этот стих. При сравнении текстов с лицевым Апокалипсисом середины XIX в. с толкованием архиеп. Андрея Кесарийского (РНБ, ОР F.I.453) выявлено совпадение лишь небольшой части (11-13 строк) текста. Таким образом, в анализируемых разновременных сборниках приведены копии текста из более раннего памятника. По определению Д. С. Лихачева, «копией признается текст, списанный с оригинала и целиком повторяющий его по тексту» (1964, с. 12), даже если он содержит ошибки, другую графику или отличается иллюстрациями.

В сборнике Кн 473 (б/д 1815 г.) данная эксцерпция расположена во второй части рукописи (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473)). Сборник начинается со «Сказания нужнейшихъ обычаевъ науки православныя христианския веры. Новопросветившемуся потребно» и содержит главы катехизиса (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473), л. 1-47). Вторая часть открывается наказанием «ко иноком, како слушати игумена» св. Василия Великого (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473), л. 47 об.-52 об.) Далее следуют поучения святых отцов из Пролога, главы из нравоучительной книги «Альфа и Омега» о грехах («О брани» (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473), л. 101-105 об.), «О гордыни» (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473), л. 106-106 об.), «О лихве и ласкании» (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473), л. 109-111) и др.), повести о грешниках, обреченных на несение тяжких наказаний («Слово о некоем блуднике...» (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473), л. 133-134), «Повесть о жене, потаившей грех» (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473), л. 138-141), «Некто священноинокъ молиася о матери своеи...» (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473), л. 150-152) и др). Непосредственно перед Апокалипсисом приводится эсхатологическая «Повесть о видении Козмы игумена, страшно и зело полезно» (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473), л. 206-219). После стиха Откровения и толкования (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473), л. 220-223) следуют Слова св. Василия, прп. Ефрема о покаянии, прп. Паладия мниха о втором пришествии и евангельская притча о званых и избранных. Далее полемические сочинения «о новопечатныхъ книгахъ», двоеперстии, «о порицании на честный крестъ» и пр. (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473), л. 298-334 об.). Заканчивается сборник двумя большими эсхатологическими повествованиями: «Словом преподобного отца нашего Венедикта об ученике его Иоанне» (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473), л. 335-356) и «От жития святого и блаженного Андрея, иже Христа ради уродиваго» (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473), л. 378-395). Таким образом, строка Апокалипсиса является композиционным центром второй части, цель которой – показать последствия грехов и неотвратимость наказания.

Сборник второй половины XIX в. Кн 514 (АОМИИ КП 24392 (Кн 514)) имеет другую композицию, что объясняется его назначением: он предназначен не новообращенным, а членам общины (что подтверждает Служба Иоанну Богослову на крюковых нотах на л. 194-197). Начинается сборник несколькими короткими повестями от «Великого Зерцала», притчей о званых и избранных и «Словом Паладия мниха в неделю мясопустную» (АОМИИ КП 24392 (Кн 514), л. 23-63 об.). После Апокалипсиса и толкования (АОМИИ КП 24392 (Кн 514), л. 65-68 об.) следуют главы «Великого Зерцала», «Альфы и Омеги», поучения св. отцов. Композиционным центром этого сборника видится Псалом 37: «Яко беззакония моя превзыдоша главу мою» (АОМИИ КП 24392 (Кн 514), л. 101-102). После него продолжают нравоучительные повести, в том числе «Слово преподобного отца нашего Венедикта об ученике его Иоанне» (АОМИИ КП 24392 (Кн 514), л. 121-136) и «Повесть о видении Козмы игумена, страшно и зело полезно» (АОМИИ КП 24392 (Кн 514), л. 136 об.-139). Таким образом, в данном сборнике эксцерпция из Апокалипсиса служит связующим звеном в композиции.

Цветник лицевой Кн 245 написан в 1910 г. Иоасафом Егоровичем Орловым, о чем свидетельствует запись чернилами на л. 1: «Сей лицовой Цветникъ написанъ / 7418 (1910) года / по прозбе р. б. Лид: Стеф. / пис. іоа(с) Егор. Орлов» (АОМИИ КП 8219 (Кн 245)). Это нравоучительный сборник для домашнего чтения, не имеющий катехизиса, полемических статей и нот (лишь в конце сборника есть иллюстрации, показывающие изменения в церковной службе до и после реформы). Он целиком составлен из поучений св. отцов,

житий, повестей, толкований на евангельские эксцерпции. Апокалипсис (АОМИИ КП 24392 (Кн 245), л. 59-60) открывает часть книги, описывающей видения: «Повесть о видении Козмы игумена» (АОМИИ КП 24392 (Кн 245), л. 62-71 об.), «Некто священноинокъ молися о матери своей о отпущении греховъ ея. И се внезапно виде матеръ свою, седящу на змии страшномъ» (АОМИИ КП 24392 (Кн 245), л. 90-91), «О блудном демоне святыи Андрей видевь» (АОМИИ КП 24392 (Кн 245), л. 93-93 об.), «Некий старецъ, ходя по пустыни, виде беса, идуща мимо его, всего окаляна гноемъ сквернымъ от главы и до ногу» (АОМИИ КП 24392 (Кн 245), л. 95-95 об.), «Слово преподобного отца нашего Венедикта об ученике его Иоанне» (АОМИИ КП 24392 (Кн 245), л. 101-123) и т. д. Заканчивается сборник «В неделю мясопустную преподобнаго отца нашего Паладия мниха слово о втором пришествии Христове...» (АОМИИ КП 24392 (Кн 245), л. 197-231) и житием Корнилия: «В чюдове монастыре некоему старцу святу мужу, именемъ сицево, яви Богъ в'нощи видение сицево» (АОМИИ КП 24392 (Кн 245), л. 235). Таким образом, эксцерпция из Апокалипсиса композиционно делит сборник на две части, открывая раздел, посвященный видениям потустороннего мира.

Не имея цели анализировать миниатюры, представленные в сборниках, отметим, что к цитируемому стиху Апокалипсиса и его толкованию в Кн 473 и Кн 514 прилагаются по три иллюстрации, совпадающие по композиции, цветовой гамме и расположению относительно текста, но выполненные разными художниками (более искусен в прорисовке лиц и фигур, передаче пропорций иллюстратор Кн 473). Кн 245 содержит одну миниатюру, повторяющую последнюю в предыдущих сборниках; на ней тонко прорисованы лики Христа и святых, но качество сохранности плохое, акварель расплылась и отпечаталась на других листах.

Во всех сборниках эксцерпции из Апокалипсиса начинаются на отдельных листах, на развороте справа. Киноварные заголовки имеют различия в титлах и выносных буквах, но читаются отчетливо (кроме Кн 245 – сильно размытый текст): *Апокалипсисъ глава ѿ. стихъ ѿ.* Вызывает вопросы кириллическая цифирь (глава 9, стих 55), т. к. номера главы и стиха не соответствуют ни современному тексту (Откр. 3: 20), ни тексту отдельной рукописи толкового Апокалипсиса середины XIX в. (РНБ, ОР.F.I.453), привлекаемой для сравнения. Кроме того, все сборники имеют на полях ссылку на источник, которую можно расшифровать как «От Иоанна соборное послание». Причем в Кн 514 (л. 65) и Кн 245 (л. 59) эти ссылки расположены непосредственно у строки названия, а в Кн 473 (л. 220) ссылка отмечает следующий абзац, текст со слов «Потцѣтелно живѣтно вѣѣ чѣкъ». Этот текст, занимающий от 17 (Кн 245) до 22 (Кн 473, Кн 514) строк, не отнесен к толкованию, более того, в Кн 514 не отделен малым киноварным инициалом от строк Апокалипсиса, т. е. мыслится как единый текст. Но «Откровение св. Иоанна Богослова» и три соборных послания св. апостола Иоанна Богослова – это разные тексты, отрывка «Потцѣтелно живѣтно вѣѣ чѣкъ – и чѣколюбѣ вѣѣ о чѣвцѣхъ показѣетсѣ вѣвсѣ рѣды» в соборных посланиях нет. Приведем этот отрывок по Сборнику Кн 473 (л. 220, 220 об.):

Потцѣтелно живѣтно вѣѣ чѣкъ.
 ѿгоже рѣди сѣнце течѣнїе своѣ те
 чѣ. ѿгоже рѣди лѣна понавѣѣ за
 пады. ѿгоже рѣди звѣзды даю
 свѣтъ свой. ѿгоже рѣди морѣ про
 стрѣто вѣсть. ѿгоже рѣди землѣ ос
 нована вѣсть наводѣхъ. ѿгоже рѣ
 горы нѣхѣлми нѣдѣври. ѿгоже рѣди н
 стѣбѣнницы, рѣки нѣзѣра. ѿгоже рѣди
 землѣ прозвѣѣѣ вѣлїе травное, и
 воды нѣводѣѣ дѣша живы. ѿгоже рѣ
 ди скѣты четвѣроноги, гѣди и
 птицы. ѿгоже рѣди времена нѣлѣ
 та, нѣмцы нѣднїе нѣнощи нѣчасове.
 ѿгоже рѣди ѿгѣлн ѿархѣгѣлн начѣ
 ла нѣвласти, прѣтолн гѣдѣствѣѣ. хѣрѣ
 вѣмн нѣсѣрафѣмн. нѣчѣдѣ гѣно много;
 ѿгоже рѣди вѣлка своѣдѣ крѣвь про
 лѣѣ, нѣискѣпн ѿгѣдѣ ѿплѣнѣнїѣ дѣѣво
 ла, нѣвоскрѣснѣвѣ во'несѣ нанѣса. толи
 ко промыслѣнїе нѣчѣколюбѣ вѣѣ о
 чѣвцѣхъ показѣетсѣ вѣвсѣ рѣды;

Толкование Апокалипсиса, выделенное киноварным заголовком во всех сборниках (Толкованїе /Толкѣ / Толкованїе), оформлено по-разному: в Кн 473 (АОМИИ, КП 23833, л. 221-223) киноварными инициалами выделено 7 частей (абзацев), четыре из которых имеют ссылки на полях (номера глав); в Кн 514 (АОМИИ,

КП 24392, л. 67-68 об.) также 7 частей, но не выделены цветом, 4 ссылки на полях при других абзацах; в Кн 245 (АОМИИ, КП 8219, л. 59 об.-60) киноварными инициалами выделено 8 частей, ссылок нет.

В результате сопоставительного анализа текста сборников выявлены следующие графико-орфографические и лексические разночтения. (Для удобства сравнения вариантов: первый пример – из Кн 473 первой четверти XIX в., второй пример – из Кн 514 второй половины XIX в., третий пример – Кн 245 1910 г.).

Употребление букв ѣ – ѣ – ѣ

Проанализировав примеры употребления букв ѣ – ѣ – ѣ в сборниках, отметим, что писцы XIX-XX вв. отказались от монографа ѣ в позиции после согласных, везде используя графему ѣ. Отмечен лишь один случай употребления ѣ в начале слова в Сборнике 1815 г. (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473)). Лигатура ѣ, связанная с влиянием греческого письма (ου), последовательно в начале слова и после гласных используется у И. Орлова (1910 г.) (АОМИИ, КП 8219 (Кн 245)). Писец первой четверти XIX в. в Кн 473, прописывая ѣ, не отделяет буквы друг от друга, в результате получается буква ѣ с закруглением спереди – нечто среднее между ѣ и ѣ. Писец второй половины XIX в. (АОМИИ, КП 24392 (Кн 514)) употребил ѣ в позиции начала слова один раз, в остальных случаях используется графема ѣ.

винѡ ѡчѣнїѡ винѡ ѡчѣнїѡ (Кн 514, л. 67) / винѡ ѡчѣнїѡ (Кн 245, л. 59 об.)

ѣже неѡсѣлышати (Кн 473, л. 222) / ѣже неѡсѣлышати (Кн 514, л. 68) / ѣже неѡсѣлышати (Кн 245, л. 59 об.)

сегѡ ѡмы ѡвоимѡ (Кн 473, л. 222) / сегѡ ѡмы ѡвоимѡ (Кн 514, л. 68) / сегѡ ѡмы ѡвоимѡ (Кн 245, л. 60)

гла ѣгѡ ѡсѣлышнѣ (Кн 473, л. 222) / гла ѣгѡ ѡсѣлышнѣ (Кн 514, л. 68) / гла ѣгѡ ѡсѣлышнѣ (Кн 245, л. 60)

квѣснѣ ѡклонѣютѡ (Кн 473, л. 223) / к' квѣснѣ ѡклонѣютѡ (Кн 514, л. 68 об.) / ѡклонѣютѡ (Кн 245, л. 60)

Употребление букв ѡ – ѡ

Анализ написания графем ѡ – ѡ показал, что вариативность возникает только в позиции начала слова. В суффиксах наречий и в качестве разделения слов мн. и ед. числа ѡ не употребляется. В качестве приставки и предлога наиболее последовательно ѡ используется И. Орловым (АОМИИ, КП 8219 (Кн 245)); писцом начала XIX в. не используется, кроме случая с ѡ (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473)). Переписчик второй половины XIX в. использует обе графемы (АОМИИ, КП 24392 (Кн 514)).

землѡ ѡснована быѣть (Кн 473, л. 220) / землѡ ѡснована быѣ (Кн 514, л. 65) / землѡ ѡснована быѣ (Кн 245, л. 59)

и чѡколюбѣе бѣѣ ѡ чѡвѣцѣх (Кн 473, л. 220 об.) / и чѡколюбѣе бѣѣ ѡчѡвѣцѣх (Кн 514, л. 65 об.) / и чѡколюбѣе бѣѣ ѡчѡвѣцѣх (Кн 245, л. 59 об.)

ѡспасѣнїи ѣгѡ веселѡсѡ (Кн 473, л. 221) / ѡспасѣнїи ѣгѡ (Кн 514, л. 67) / ѡспасѣнїи ѣгѡ (Кн 245, л. 59 об.)

ѡстаѡвнѣ/зѡмнѣ (Кн 473, л. 221) / ѡстаѡвнѣ безѡмнѣ (Кн 514, л. 67) / ѡстаѡвнѣ безѡмнѣ (Кн 245, л. 59 об.)

При анализе текста обнаружены два случая вариативного написания ѡ и ѡ в начале слова в корнях (отец, очи):

во/ѡмѡ ѡца моего (Кн 473, л. 222) / во ѡмѡ ѡца моего (Кн 514, л. 68) / во ѡмѡ ѡца моего (Кн 245, л. 60)

ѡвѣрзи ѡчи (Кн 473, л. 221) / ѡвѣрзи ѡчи (Кн 514, л. 67) / ѡвѣрзи ѡчи (Кн 245, л. 59 об.)

Наблюдается похожая картина: писец начала XIX в. избегает «омеги» (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473)), второй половины XIX в. – употребляет в одном случае (АОМИИ, КП 24392 (Кн 514)), И. Орлов последовательно пишет все начальные ѡ, даже там, где не требуется (АОМИИ, КП 8219 (Кн 245)). Так, Полный церковнославянский словарь отмечает единственный вариант написания слова Ѡтѣцѣ (ПЦС, 2006, с. 394), слово Ѡжѡ, ѡчи (ПЦС, 2006, с. 378) имеет вариант в выражении ѡчи ѡтвѣрсти (ПЦС, 2006, с. 401).

Стремление переписчика XX в. употребить греческие буквы ѡ во всех случаях начала слов может свидетельствовать о стремлении «украсить» текст, несколько архаизируя его (АОМИИ, КП 8219 (Кн 245)). Эта тенденция также подтверждается наблюдением Д. С. Лихачева: «...иногда переписчик нарочито архаизирует текст: тогда архаизация встречается во многих местах и составляет систему» (1964, с. 29). Однако о системе в нашем случае можно говорить, проведя дальнейшее тщательное прочтение рукописи.

Употребление букв ѣ – и

Широкая вариативность в употреблении ѣ – и наблюдается только в написании сочинительного союза.

ѣ ѡскѡпїи ѣгѡ (Кн 473, л. 220 об.) / ѣ ѡскѡпїи ѣгѡ (Кн 514, л. 65 об.) / ѣ ѡскѡпїи ѣгѡ (Кн 245, л. 59)

и чѡколюбѣе бѣѣ (Кн 473, л. 220 об.) / и чѡколюбѣе бѣѣ (Кн 514, л. 65 об.) / и чѡколюбѣе бѣѣ (Кн 245, л. 59 об.)

В позиции перед гласным в середине и в конце слов достаточно последовательно используется ѣ (прїѣде, спѣсѣнїи, ѡчѣнїѡ, писѣнїѡ). Отмечены несколько случаев нарушения этой традиции в Кн 473 (АОМИИ, КП 23833) и единичный в Кн 245 (АОМИИ, КП 8219):

прїшѣствїе (Кн 473, л. 221) / прїшѣствїе (Кн 514, л. 67) / прїшѣствїе (Кн 245, л. 59 об.)

текѡциѡ (Кн 473, л. 221) / текѡциѡ (Кн 514, л. 67) / текѡциѡ (Кн 245, л. 59 об.)

безѡмнѣ (Кн 473, л. 221) / безѡмнѣ (Кн 514, л. 67) / безѡмнѣ (Кн 245, л. 59 об.)

Греческие графические особенности

Вариативности в употреблении греческих букв ϕ, ψ, ϑ, υ в исследуемых сборниках практически нет, причина видится в том, что писцы избегают их использование. Так, в названии текста во всех рукописях мы читаем *Ἀποκαλιψῆς* / *апокалиψῆς* : греческая графема ϕ заменена на и (ср. с современным написанием: *Ἀποκάλυψς*). В самом раннем Сборнике (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473)) отмечен один случай употребления «ижицы», который в более поздних сборниках (АОМИИ КП 24392 (Кн 514); АОМИИ, КП 8219 (Кн 245)) заменен на в: но *πρόκι* / *и́/εῖα* «сты» (Кн 473, л. 222) / но *πρό/ки* и *εῖα* (Кн 514, л. 68) / но *πρόκι* и *εῖα* «сты» (Кн 245, л. 60).

Следует отметить, однако, широкую вариативность написания греческих по происхождению слов «ангел/архангел». Современная норма написания *ἄγγελ* в значении «вѣстникъ, духъ безплотный, одаренный умомъ, волею и могуществом, высшимъ, чѣм у чѣловека» (ПШС, 2006, с. 4), противопоставленная написанию *ἄγγελ* («падший ангел»), установилась далеко не сразу. Лишь писец Кн 473 (АОМИИ, КП 23833) придерживается такого написания. В более поздних сборниках (АОМИИ, КП 24392 (Кн 514); АОМИИ, КП 8219 (Кн 245)) даже рядом стоящие однокоренные слова выглядят по-разному, соотносясь, по всей вероятности, с произношением: *ἄγγι* и *ἄρχαγγι* (Кн 473, л. 220) / *ἄγγι* и *ἄρχαγγι* (Кн 514, л. 65 об.) / *ἄγγι* и *ἄρχαγγι* (Кн 245, л. 59).

Употребление буквы ѣ

В исследуемых текстах графема ѣ устойчиво употребляется в словах *звѣзды*, *рѣки*, *свѣтъ*, *зѡповѣди*, *лѣта* и др. Вариативность отмечена в трех случаях: написание «озеро», «пленение», «двери». Логика системного отказа от написания ѣ или, наоборот, написание ее вместо «е» не наблюдается. Более того, в примерах с «при двери», «в двери» в одном и том же сборнике на разных листах отмечены различные написания.

Сѣ стою при двѣрехъ (Кн 473, л. 220) / *Сѣ стою при двѣрѣхъ* (Кн 514, л. 65) / *Сѣ стою при двѣрѣхъ* (Кн 245, л. 59)

Ѣдверн сѣчныа (Кн 473, л. 221) / *Ѣдверн сѣдѣчныа* (Кн 514, л. 67) / *Ѣдверн сѣдѣчныа* (Кн 245, л. 59 об.)

Сѣ стою при двѣрехъ (Кн 473, л. 222) / *Сѣ стою при двѣрѣхъ* (Кн 514, л. 68) / *Сѣ стою при двѣрѣхъ* (Кн 245, л. 60)

рѣки и ѣзера (Кн 473, л. 220) / *и рѣ/ки ѣзера* (Кн 514, л. 65) / *и рѣки ѣзера* (Кн 245, л. 59)

и́скыи егѡ ѡ плѣнѣнїа (Кн 473, л. 220 об.) / *и́скыи егѡ ѡ плѣнѣнїа* (Кн 514, л. 65 об.) / *и́скыи егѡ ѡ плѣнѣнїа* (Кн 245, л. 59)

Лексические разночтения

В исследуемых текстах отмечено довольно много непреднамеренных ошибок, исправлений, есть зачеркивания отдельных слов и нескольких строк (в Кн 514 (АОМИИ, КП 14392) текст на л. 68 об. зачеркнут целиком). Но обращают на себя внимание два случая, которые могут быть отнесены к лексическим разночтениям. В Сборнике 1910 г. (АОМИИ, КП 8219 (Кн 245)) И. Орлов в строке Апокалипсиса и в толкованиях настойчиво заменяет *толкъ* на *толкъ*:

Сѣ стою при двѣрехъ, и толкъ (Кн 473, л. 220) / *Сѣ стою при двѣрѣхъ и толкъ* (Кн 514, л. 65) / *Сѣ стою при двѣрѣхъ, и толкъ* (Кн 245, л. 59), *Ѣдверн сѣдѣчныа толкъ* (Кн 245, л. 59 об.), *Сѣ стою при двѣрѣхъ и толкъ* (Кн 245, л. 60).

В Полном церковнославянском словаре приведено толкование глаголу *толкъ*: *Толкъ-цаю* = *стучусь, ударяю въ дверь* (Мф. 7, 7). (ПШС, 2006, с. 725). Таким образом, заменяя, возможно, уже непонятное слово на более знакомое, переписчик изменяет суть события: стук в двери обозначает только привлечение внимания, а толкание – уже попытка войти, по сути, начало Второго пришествия. С другой стороны, учитывая эсхатологические настроения не только старообрядческих общин (для которых ожидание Страшного суда традиционно), но и в целом российского общества в начале XX в., можно предположить, что слово заменено пророчески намеренно.

Второй пример:

Потцѣтельно живѡтно бжїе чѣка (Кн 473, л. 220) / *Потцѣтельно жи / вѡтно бжїе чѣка* (Кн 514, л. 65) / *Потцѣтельно живѡтно бжїе чѣка* (Кн 245, л. 59).

Тот же переписчик изменяет написание слова, о котором читаем в Словаре: *Потцѣтельно* = *тщательно, усердно* (ПШС, 2006, с. 469). Возможно, это попытка заменить его на «почтительно», но графема *а* прописана ясно.

Таким образом, проведенный анализ продемонстрировал наличие разночтений в эксцерпциях их Апокалипсиса и их толкованиях на разных уровнях: графическом, орфографическом и лексическом. Это свидетельствует о постоянном «движении» внутри церковнославянского языка, несмотря на его внешнюю стабильность и ревностное сохранение старообрядцами. Изучение старообрядческих рукописей помогает восстановить картину развития церковнославянского языка в последние века, несмотря на трудности, отмечаемые учеными – экспертами в данной области: «Многие из сборников <...> до сих пор находятся в общинах, а то малое, что известно – явно недостаточно: публикации старообрядческих сочинений и в прошлом, и в нынешнем веке, при кажущейся полноте, крайне отрывочны. Более чем тридцатилетний опыт нашей работы, хотя и позволяет сделать некоторые обобщения, но мы вполне осознаем наличие гигантских пробелов в собранном материале» (Дергачева-Скоп, Алексеев, 1999, с. 96).

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. При анализе вводимого в научно-практический оборот материала рукописных старообрядческих сборников первой четверти XIX в., второй половины XIX в. и начала XX в. из фондов музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» г. Архангельска были решены поставленные задачи.

Во-первых, во всех трех сборниках обнаружены эксцерпции из «Откровения св. Иоанна Богослова» (Откр. 3:20) и толкования на них, что является подтверждением эсхатологичности старообрядческого мировоззрения: текст «Откровения св. Иоанна Богослова» исследуется старообрядцами не только в лицевых Апokalипсисах, но в виде эксцерпций приводится в сборниках духовно-нравственного содержания, Цветниках, где, в зависимости от общего содержания сборника, его предназначения и предполагаемых читателей, выполняет различные функции относительно композиции: является связующим звеном текста (АОМИИ КП 24392 (Кн 514)), открывает часть сборника с «видениями» (АОМИИ КП 8219 (Кн 245)), становится кульминацией единого пространства сборника (АОМИИ КП 23833 (Кн 473)).

Во-вторых, лингвистический анализ показал несовпадение номеров главы и стиха цитируемого текста Апokalипсиса, указанных в заголовках, с привлекаемой для сравнения рукописью толкового Апokalипсиса середины XIX в. (РНБ, ОР F.I.453) и современным текстом Нового Завета. Также во всех трех сборниках непосредственно к эксцерпции примыкает текст, приведенный выше по Кн 473 (АОМИИ, КП 23833), который не относится ни к «Откровению св. Иоанна Богослова», ни к его толкованию. Кроме этого, с помощью метода археографического описания выявлено, что ссылки на источник, расположенные на полях рукописей, расшифрованные как «От Иоанна соборное послание», не соответствуют действительности. При поиске источников толкования приводимой эксцерпции было обнаружено совпадение небольшого фрагмента с толкованием архиепископа Андрея Кесарийского (РНБ. ОР F.I.453); авторство других фрагментов толкования в рукописях на данном этапе не установлено. Также отмечены различия в текстовом оформлении толкований: разное деление на абзацы, наличие/отсутствие ссылок. Таким образом, изучение текста стихов Апokalипсиса, его толкований и ссылок на полях показало несоответствие с другими источниками и поставило вопрос о более раннем оригинале, с которого копировались исследуемые сборники.

В-третьих, в результате сравнения текстов в старообрядческих сборниках обнаружены графико-орфографические и лексические разночтения. Так, относительно употребления букв ѣ – ѣ – ѣ отмечается упрощение графики писцом второй половины XIX в. (АОМИИ, КП 24392 (Кн 514)) относительно рукописи начала XIX в. (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473)), но в начале XX в. (АОМИИ, КП 8219 (Кн 245)) норма употребления ѣ в позиции начала слова восстанавливается. Вариативность написания в начале слова отмечается при использовании графем ѡ и ѡ. В этом случае выявлено, что в приставках и предлогах в самой ранней рукописи (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473)) ѡ не используется, переписчик второй половины XIX в. (АОМИИ, КП 24392 (Кн 514)) использует оба знака, в рукописи 1910 г. (АОМИИ, КП 8219 (Кн 245)) последовательно применяется ѡ. Более того, ѡ пишется в некоторых отмеченных словах в начале корня. Написание греческой графемы ѣ отмечено в одном случае в ранней рукописи (АОМИИ, КП 23833 (Кн 473)), в позднейших текстах (АОМИИ, КП 24392 (Кн 514); АОМИИ, КП 8219 (Кн 245)) эта графема заменяется на более «русские» в и и. Относительно употребления графемы ѣ наблюдается несистемность: у одних и тех же переписчиков в одном и том же повторяющемся слове отмечены варианты с ѣ и ѣ. Такая же широкая вариативность наблюдается при написании сочинительного союза и / ѡ. Таким образом, сравнительный анализ разночтений продемонстрировал тенденцию некоторого упрощения графики рукописного текста ко второй половине XIX в. относительно первой четверти XIX в., но последовательное возвращение к старому написанию ѣ и ѡ, соответствующему нормам церковнославянского языка начала XX в. В то же время наблюдается отказ от греческих графем во всех сборниках, смешение норм употребления букв ѣ и ѣ. Всё это свидетельствует о том, что, несмотря на строгий подход к переписываемым текстам, запрет исправлений в них, создатели сборников вносили изменения. Среди причин, вызвавших эти явления, предположим стремление упростить прочтение и, соответственно, понимание написанного; с другой стороны, допустим и влияние на переписчика начала XX в. более нормированной печатной книжной продукции. Кроме того, не имея на сегодняшний день сведений о писцах XIX в. и обладая очень скудными данными о И. Е. Орлове (переписчике XX в.), мы не можем судить о достаточности уровня их грамотности. Среди лексических разночтений обращает на себя внимание замена глагола толкъ на толкъ в Сборнике 1910 г. (АОМИИ, КП 8219 (Кн 245)), которая может свидетельствовать о намеренном усилении эсхатологической проблематики, изображая начало Второго пришествия.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно назвать дальнейшее комплексное изучение хранящихся в фондах музеев, библиотек, частных собраний и вновь обнаруженных памятников. Крайне важна работа по определению источников – оригиналов для копирования более поздних рукописей. Перспективна работа по определению неизвестных переписчиков и описанию трудов тех, кого уже удалось установить. Исследование старообрядческих сборников в качестве лингвистических источников открывает перед учеными широкое поле деятельности, т. к. более чем трехвековое культурное наследие практически не изучено.

Материалы исследования | Research materials

1. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1990.
2. Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаев И. В. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2003.
3. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2009.

4. Новый Заветъ Гда нашего Ииса Христа. М.: Патриаршее Подворье бб. Заиконоспасского и Никольского монастырей, 2001.
5. Библия – Откровение святого Иоанна Богослова // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе. М.: Российское библейское общество, 2006.
6. ППС – Полный церковнославянский словарь / сост. протоиерей Григорий Дьяченко (репринтное издание 1900 г.). М.: Отчий дом, 2006.
7. АОММИ – Сборник. Первая четверть XIX в. (б/д 1815 г.) // Фонд музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». Архангельск: Архангельский областной музей изобразительных искусств КП 23833 (Кн 473).
8. РНБ – Сборник старообрядческий: лицевая рукопись. Середина XIX в. РНБ. ОР F.I.453.
9. АОММИ – Сборник старообрядческий нравоучительного содержания. Вторая половина XIX в. // Фонд музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». Архангельск: Архангельский областной музей изобразительных искусств КП 24392 (Кн 514).
10. АОММИ – Цветник лицевой. 1910 г. // Фонд музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». Архангельск: Архангельский областной музей изобразительных искусств КП 8219 (Кн 245).

Источники | References

1. Аверкий (Таушев), архиеп. Четвероевангелие. Апостол. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006.
2. Ануфриева Н. В. Новый извод Филарето-Чудовской редакции лицевого толкового Апокалипсиса // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 4 (32).
3. Буслаев Ф. И. Свод изображений из Лицевых Апокалипсисов по русским рукописям с XVI века по XIX. М.: Синодальная типография, 1884. Т. 1.
4. Бытко С. С., Солодкин Я. Г. «Эпистолярный» старообрядческий сборник и особенности формирования кириллических компиляций на рубеже XIX-XX веков // Вестник Нижневартковского Государственного университета. 2018. № 1.
5. Волкова Т. Ф., Крюкова А. А. Древнерусские эсхатологические сочинения в составе печорских рукописных сборников // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46. № 5. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2024.1060>
6. Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Книжная культура старообрядцев и их четья литература // Культурное наследие средневековой Руси в традициях Урало-Сибирского старообрядчества: материалы всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 17-19 мая 1999 г.). Новосибирск: Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки, 1999.
7. Жуковская Л. П. Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник (их изучение и методика исследования) // Исследования по лингвистическому источниковедению: сборник. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
8. Лихачев Д. С. Текстология: краткий очерк. Л.: Наука, 1964.
9. Ненашева Л. В. Рукописная книга Русского Севера XV-XX вв. в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера»: научный каталог. М.: Северный паломник, 2019.
10. Новокрещенных Е. В. «Живы есьмы теломъ, но мерьтвии злыми делы»: читательские подписи-комментарии к миниатюрам одного экземпляра печатного лицевого Апокалипсиса // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2023. № 1. <https://doi.org/10.31168/2658-3356.2023.7>
11. Романова Н. И. Эсхатологические представления старообрядцев // Вестник Кемеровского университета культуры и искусства. 2012. № 18.
12. Старикова Г. Н., Си Лю. Графика бытовых старообрядческих рукописей в аспекте конфессионального традиционализма // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470.
13. Фокина О. Н. Эволюция древнерусского четьего сборника как народной книги в историко-литературном контексте XVII-XVIII вв.: автореф. дис. ... д. филол. н. Екатеринбург, 2009.

Информация об авторах | Author information

Мартынюк Елена Олеговна¹

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск

Elena Olegovna Martynyuk¹

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk

¹ elena.martinuk2017@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.03.2026; опубликовано online (published online): 23.04.2026.

Ключевые слова (keywords): старообрядческие сборники; рукописи XIX-XX вв.; Апокалипсис; толкования на Апокалипсис; текстовые разночтения; Old Believer miscellanies; 19th-20th century manuscripts; Apocalypse; commentaries on the Apocalypse; textual variants.